А. Н. Масловский

ДВА БРАТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯ 1736–1742 ГОДОВ ИЗ РАСКОПОК В ГОРОДЕ АЗОВЕ

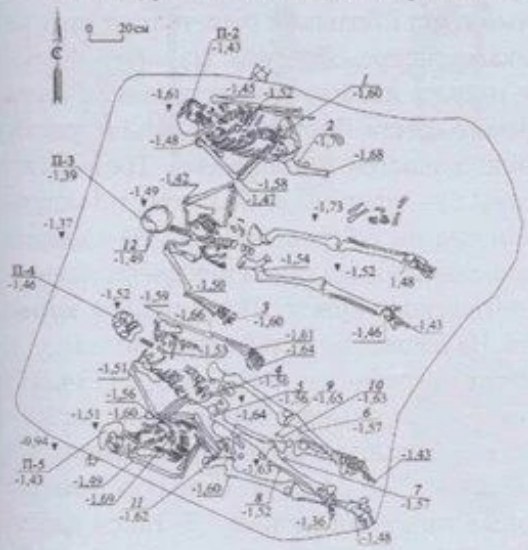
Значительная часть обнаруженных при раскопках в Азове человеческих останков на русских могильниках XVIII века происходит из братских захоронений, которые могут содержать от двух до двух десятков костяков. Очевидно, что никаких специальных норм, которые требовалось бы соблюдать при их совершении, существовать не могло. Тем не менее, сами обстоятельства их появления диктовали некие сходные черты для братских захоронений разных эпох и регионов. С учётом того, что они не являются редкостью и часто привлекают внимание исследователей, в том числе Азова [1; 2], казалось бы, признаки братских захоронений должны быть очевидны всем. Однако во время проведения III Всероссийской научно-практической конференции 14 ноября 2024 года в городе Таганроге, в ходе обсуждения доклада о могильнике середины XVIII века из раскопа по улице Дзержинского, 49 [3] некоторые выступающие не видели разницы между погребениями в скудельнице [3, с. 221–222], которые совершались на протяжении длительного периода времени в гробах, и братскими могилами.

Поэтому, прежде всего, дадим развёрнутое определение братских могил на основе эмпирических наблюдений. Братское погребение может содержать два и более человеческих костяков, уложенных максимально компактно с соблюдением минимальных требований погребального обряда и помещённых в него одновременно. Применительно к русским захоронениям Нового времени, в качестве специфических черт следует ожидать отсутствия гробов. Они могут быть встречены в исключительных случаях. К числу братских нельзя относить могилы, в которые совершались подзахоронения. От них также следует отличать погребения, в которых тела сбрасывались без соблюдения даже минимальных требований к трупоположению. Последние стоит называть санитарными захоронениями. Впрочем, границы между братскими и санитарными захоронениями не могут быть чёткими.

Из братских захоронений происходят почти все монетные находки, сделанные в погребениях XVIII века на территории города Азова. Именно они привлекают внимание исследователей в первую очередь. Предметом рассмотрения данной работы станут два братских захоронения с монетами, отчеканенными в период правления Анны Иоанновны, они лучше документированы и имеют хорошую сохранность. Эта статья является продолжением двух предыдущих публикаций автора о могильниках XVIII века из раскопок в городе Азове [3–4].

Захоронение, исследованное в 2011 году на улице Карла Либкнехта, 66 (рисунок 1), находилось в северном углу раскопа и было совершено в яме неправильной подквадратной формы (2,15–2,65×2,2×2,55 м), которая была ориентирована сторонами по направлению северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Стенки неровные, особенно с юго-восточной

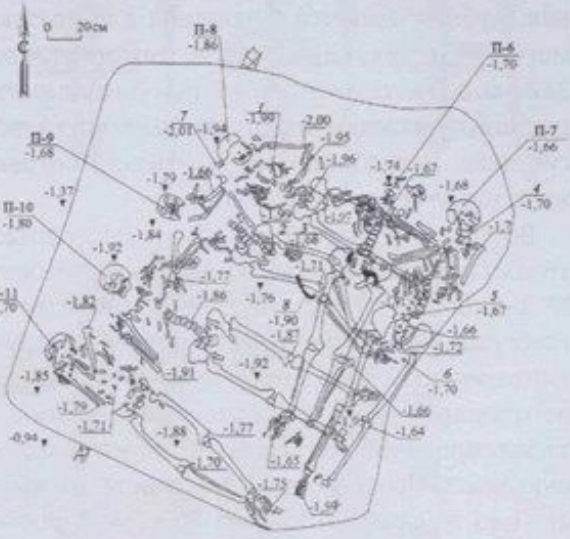
Аз-2011, ул. К. Либкнехта, 66. Погребения 2-5

1, 2, 4-11 - медные пуговицы;
3 - серебряный перстень;
12 - фр-ты бронзового креста

1

Аз-2011, ул. К. Либкнехта, 66. Погребения 6-11

1, 2, 4-6 - пуговицы;
3 - остатки кошелька с серебряными монетами;
7 - бронзовый крест;
8, 9 - железные крюки

2

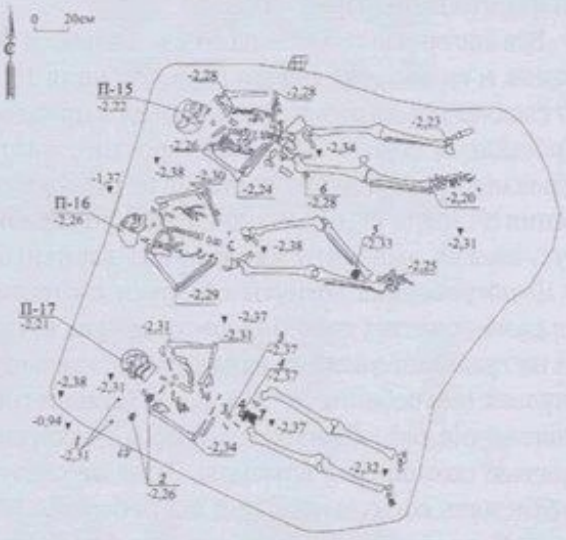
Аз-2011, ул. К. Либкнехта, 66. Погребения 12-14

- тканевый тлен;
1-19, 27, 28 - пуговицы;
20 - железный крюк;
21 - бронзовый крест;
22 - остатки ткани;
23 - пряжка;
24 - изделие из меди;
25 - изделие из железа;
26 - остатки кожаной обуви

3

Аз-2011, ул. К. Либкнехта, 66. Погребения 15-17

1 - бронзовые обоймы;
2 - медные застёжки;
3, 4 -медные пуговицы;
5 - тряпичный кошелёк;
6 - бронзовая пуговица;
7 - остатки ткани

4

Рисунок 1. *Город Азов (2011 год), улица Карла Либкнехта, 66. Братская могила (погребения № 2–17). Поярусные планы*

стороны, прослежены на высоту до 1,4 м. Подобная глубина является рекордной для братских могил XVIII века. Дно ровное, горизонтальное. Заполнение тёмно-серый гумусированный суглинок с вкраплениями светло-коричневого суглинка. Погребение незначительно потревожено современной траншеей.

Всего в могильной яме было исследовано 16 костяков, залегавших в 5 ярусов (погребения № 2–5, 6–7, 8–11, 12–14, 15–17). При этом погребение № 4, перекрывало погребение № 5, и потому возможно, что они были совершены не одновременно. Никаких следов гробов не зафиксировано. Костяки не образуют компактную массу. Уровень самого верхнего составляет -1,43 м, самого нижнего -2,26 м. Вероятно, после укладки очередного яруса тел они присыпались тонким слоем земли. Погребённые во втором ярусе (погребения № 6, 7) уложены перпендикулярно остальным телам и имеют северную ориентировку. Большинство погребений ориентировано головой на северо-запад с небольшими вариациями параллельно стенкам могильной ямы.

Все костяки вытянуты на спине. Разворот черепов и их запрокидывание (погребения № 2, 9) следует объяснить их смещением в процессе проседания грунта. Этим же, вероятно, можно объяснить заваливание костяков на бок (погребения № 2, 4, 5, 11, 12). Разнообразно положение рук. Можно выделить минимум 11 вариантов. В 10 погребениях согнуты обе руки с кистями на разных частях тулова. В шести других случаях на туловище уложена одна рука. В отдельных случаях (погребение № 3, 9, 11, 12) конкретное положение рук объясняется скорее неаккуратностью похоронной команды. Этим же следует объяснять согнутые ноги в погребениях № 9 и 16. Первое из них, вообще, при желании можно отнести к слабоскорченным.

Большая часть погребального инвентаря строго стандартна. У восьми костяков встречаются нательные кресты (рисунок 2.1–2.7). Один из них сильно фрагментирован в древности. Встречаются кресты трёх типов. Первый более многочисленный тип (6 экземпляров) — прямоконечный крест с рельефным изображением восьмиконечного Голгофского креста (рисунок 2.2–2.5, 2.7). По сторонам копьё и трость. На концах лопастей монограммы. На обороте слова молитвы. Второй тип (рисунок 2.1) — прямоконечный крест с большим решетчатым кругом и шариками на средокрестии. На лицевой стороне рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста. По сторонам копьё и трость. На концах лопастей монограммы. Третий тип (рисунок 2.6) — прямоконечный крест с окружностью и лучами на средокрестии. На лицевой стороне рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста. По сторонам копье и трость. На концах лопастей монограммы.

В шести погребениях (№ 2, 4, 5, 13, 14, 17) встречены мундирные пуговицы (рисунок 2.9–2.12) сегментовидной формы с пластинчатыми ушками от 2 до 24 штук. Представлено два размерных типа с диаметром 1,7–1,8 см (рисунок 2.10, 2.11) и 2,4–2,8 см (рисунок 2.9, 2.12). Системы в их расположении не прослеживается. В погребении № 14, где их встречено более всего (24 штуки), они разбросаны от темени до верхней части бедренных костей. Такое же распределение, вплоть до берцовых костей, отмечено в погребении № 4 (10 штук). В погребениях № 2 (2 штуки), 5 (2 штуки), 13 (2 штуки) и 17 (7 штук) они встречены в области таза и верхней части бедренных костей. В этом случае они, вероятно, использовались на брюках. Вероятно, на брюках были пришиты и две маленькие пуговицы из погребения № 14, обнаруженные в районе бёдер.

Мелкие литые пуговицы для другой одежды представлены двумя типами. Первый (рисунок 2.13–2.16) — близкой к шаровидной форме с высоким литым ушком встречен в 4 погребениях (№ 7, 8, 13, 15). В трёх из них встречено по 1 пуговице. В погребении 8 встречено сразу 10 пуговиц, пришитых на небольшом участке на груди (рисунок 2.13). В двух случаях (№ 7, 15) пуговицы находились в районе пояса, и только в одном случае у челюсти (№ 7).

Пуговицы второго типа (рисунок 2.17–2.22) бипирамидальные, диаметром 0,9–1,1 см с цветными эмалями, встречены в 6 погребениях. Все 9 экземпляров обнаружены в районе пояса, в трёх случаях с пуговицами других типов. Пирамидки шестигранные. Верхняя половина покрыта одноцветными эмалями (зелёная, бирюзовая). Грани нижней пирамидки поочерёдно покрыты белой и синей эмалью, расцвечены тремя точками синего, жёлтого, коричневого

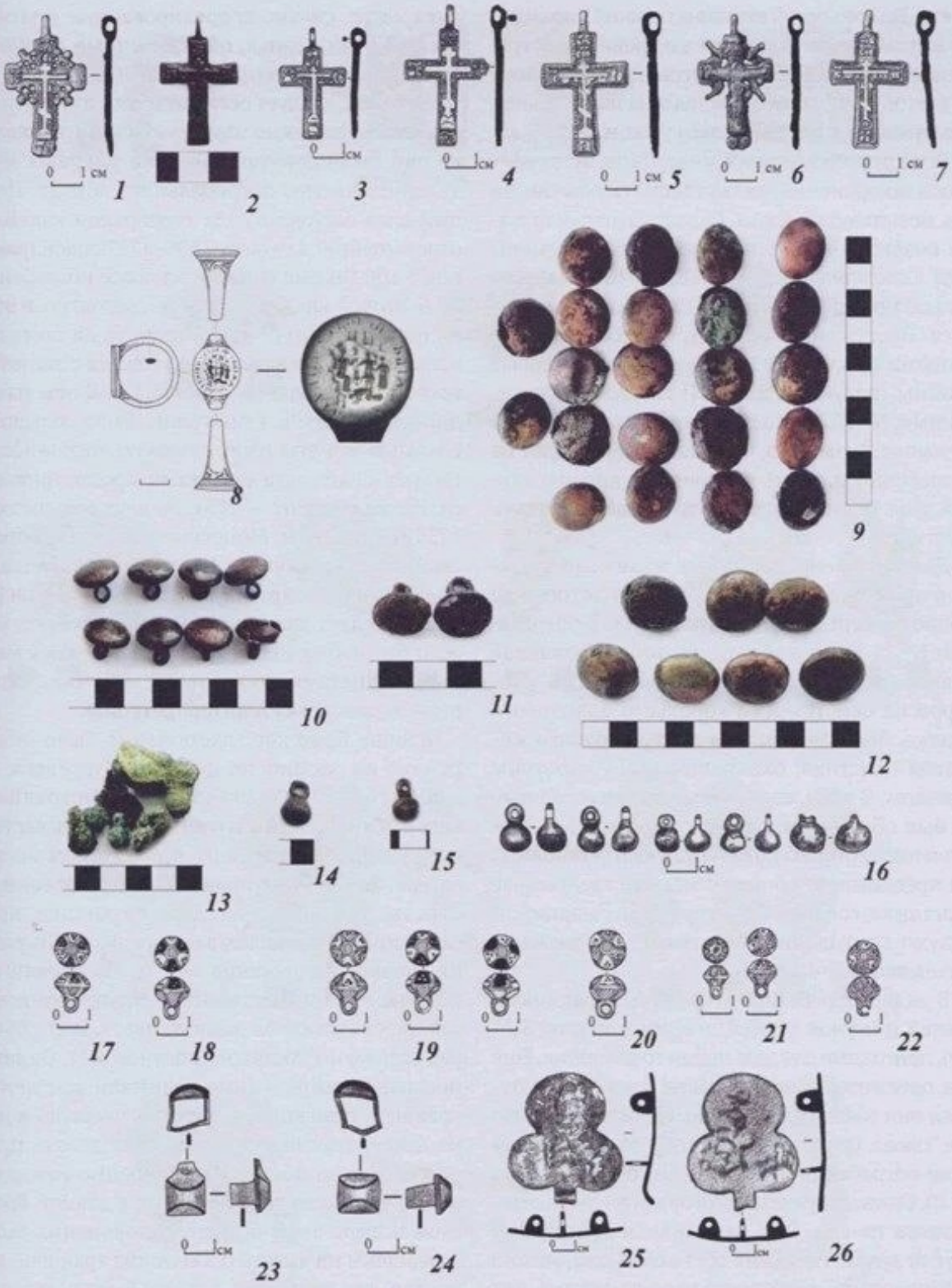

Рисунок 2. *Город Азов (2011 год), улица Карла Либкнехта, 66.*
Находки из погребений: 1–7 — бронзовые кресты (погребения № 2, 5, 7, 8, 11, 13, 15); 8 — серебряный перстень с изображением сцены суда Соломона (погребение № 3); 9–12 — медные мундирные пуговицы (погребения № 14, 4, 14, 17); 13 — бронзовые пуговицы с остатками ткани (погребение № 8); 14–16 — бронзовые пуговицы (погребения № 15, 7, 8); 17–22 — бронзовые пуговицы с цветными эмалями (погребения № 3, 5, 7, 10, 12, 13); 23, 24 — бронзовые обоймы (погребение № 17); 25, 26 — бронзовые застёжки от епанчи (погребение № 17)

цвета. На срезанной вершине нижней пирамидки жёлтая эмаль. В данном захоронении встречено максимальное число пуговиц данного типа. Одним экземпляром представлена плоская медная пуговица с пластинчатым ушком.

Все другие категории инвентаря, встреченные в захоронении, нельзя назвать обычными для могильников Азака. Серебряный с остатками позолоты перстень с изображением сцены суда Соломона (рисунок 2.8) на безымянном пальце правой руки, носит следы сильного износа. Застёжки от епанчи, с отломленными концами (рисунок 2.25, 2.26), и две бронзовые обоймы (рисунок 2.23, 2.24) найдены с погребённым № 17. Поскольку они лежат несколько в стороне, возможно, что плащ не был надет на погребённого, а был сброшен на дно могильной ямы. Возможно, в нём трупы доставлялись к могиле.

Две фрагментированные железные пряжки с прямоугольной рамкой были встречены в одном погребении (рисунок 3.1). В погребении № 14 была найдена крупная бронзовая пряжка (рисунок 3.2) размером 7,0×5,5 см у которой на оси, помимо короткого бронзового язычка, была закреплена подтреугольная железная пластина, оканчивающаяся коротким крючком. В этом же погребении у левого колена был обнаружен предмет (рисунок 3.3), назначение которого пока не удалось установить. Он представлял собой две медные квадратные пластинки, соединённые трубчатым шарниром с двумя сквозными отверстиями. Его размеры составляли 4,3×4,1 см.

В ряде погребений встречены фрагменты тканей (рисунок 3.4–3.6) и кожи (рисунок 3.7–3.9), пригодные для дальнейшего изучения. Ещё ряд предметов инвентарём не являются, и попали они в могилу случайно. Прежде всего, это два крюка (рисунок 3.13, 3.14), обнаруженные ниже погребения № 9 и к северу от погребения № 10. Один из крюков изготовлен из очень массивного гвоздя. Они находились неподалеку друг от друга. Учитывая обстоятельства, можно предположить, что крюки использовались для перемещения тел умерших. Некоторые предметы могли попасть в могилу из заполнения хозяйственной ямы XIV века, повреждённой при рытье могильной ямы. Однако маловероятно, что золотоордынским периодом можно датировать сильно коррозированные подкову и наконечник копья, обнаруженные в районе берцовых костей погребения № 12.

Наконец, следует остановиться на монетных находках. Их можно назвать кладами, поскольку они были спрятаны на теле умерших и не являлись частью погребального обряда. Первый клад состоял из 131 серебряной копейки, отчеканенной в период 1696–1717 годов (рисунок 3.10). Он был спрятан на поясе погребения № 6. Второй клад был спрятан, вероятно, в обуви погребенного № 16. Монеты были помещены в овальный матерчатый кошелёк с завязкой из тонкого шнура (рисунок 3.12). В нём находилось 2 денги и 4 полушки. Из-за соседства с тканью монеты имеют плохую сохранность. На трёх из них дата чеканки не просматривается. На одной денге — 1731, на двух полушках — 1735 год чеканки. Монетные находки из братской могилы на улице Карла Либкнехта стали предметом рассмотрения отдельной статьи [5]. Здесь следует указать только на тот факт, что если бы не был найден второй кошелёк с медными монетами, то комплекс получил бы неверную датировку и интерпретацию.

Второе братское захоронение было обнаружено на раскопе по переулку Тургенева, 16 в 2018 году. Оно было совершено в траншее, которая, по всей вероятности, являлась частью циркумвалационной линии русского осадного лагеря, была ориентирована на исследованном отрезке с севера на юг. Длина траншеи, прослеженной в пределах раскопа, 10 м. Ширина на уровне обнаружения — 2 м. Прослеженная глубина — 0,8 м. Заполнение — крупнокомковатая смесь суглинков разного цвета. Всего было расчищено 16 костяков (рисунок 4.1). Однако, поскольку погребённые занимали всю длину траншеи, попавшей в пределы раскопа, и для их доследования пришлось даже делать прирезки, можно достаточно уверенно говорить о том, что число захороненных в данной братской могиле было больше. Захоронения были совершены на высоте 0,5 м от дна траншеи, вероятно, уже после того, как она была полузасыпана. Возможно, для совершения захоронения стенки траншеи были подрублены.

Костяки, за двумя исключениями, выложены в один ряд. Они не образуют сплошной цепочки, а сгруппированы по два — три скелета, раз-

Рисунок 3. *Город Азов (2011 год), улица Карла Либкнехта, 66.*
Находки из погребений: 1 — фрагмент железной пряжки (погребение № 2); 2 — бронзовая пряжка (погребение № 14); 3 — медный двустворчатый предмет (погребение № 14); 4–6 — фрагменты одежды с отверстиями для пуговиц (погребения № 7, 7, 17); 7–9 — фрагменты кожаной обуви (погребения № 14, 17, 17); 10 — клад серебряных копеек (погребение № 6); 11 — клад медных монет денги и полушки (1731–1735 годы; погребение № 16); 12 — матерчатый кошелёк (погребение № 16); 13 — железный крюк из гвоздя (погребение № 10); 14 — железный крюк (погребение № 10)

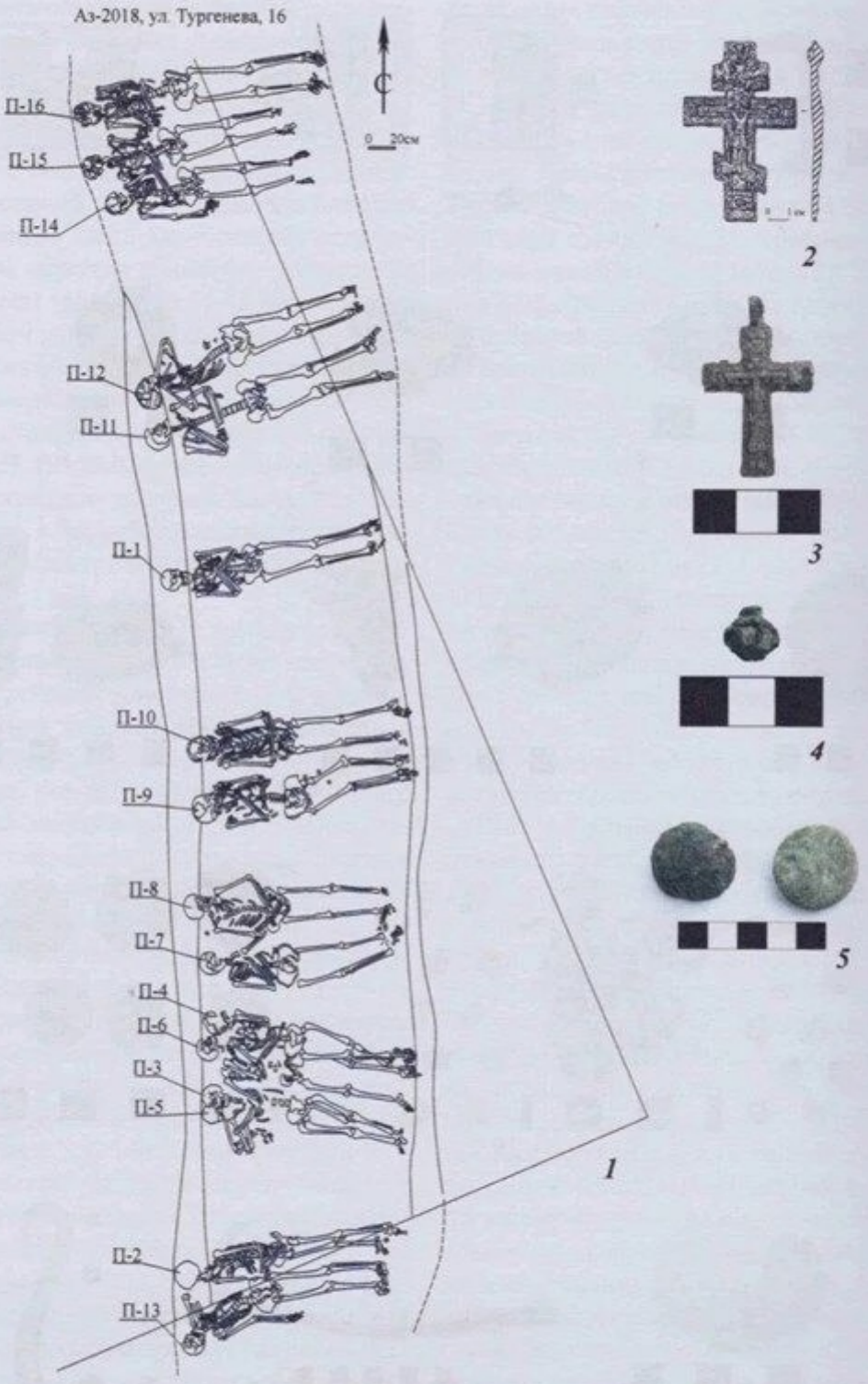

Рисунок 4. *Город Азов (2018), переулок Тургенева, 16.*
Братская могила: 1 — братская могила, погребения 1–16, план; 2 — бронзовый наперсный крест (погребение № 6); 3 — бронзовый крест (погребение № 1); 4 — бронзовая пуговица с эмалями (погребение № 4); 5 — медные мундирные пуговицы (погребение № 9)

делённых незанятыми промежутками. Всего выделяется 6 групп погребённых. Особняком стоит погребение № 1, которое также залегает несколько выше. Погребения № 3–6 перекрывают погребения № 5, 6. Погребение № 14 незначительно перекрывает погребение № 15. Погребение № 8 незначительно перекрывает погребение № 7. Погребение № 12 незначительно перекрывает погребение № 11.

Ориентированы погребённые головой на запад с небольшими колебаниями. Большая их часть вытянута на спине. Только погребения № 6, 12 и 13 можно отнести к числу имеющих разворот на левый, а погребение № 2 на правый бок. Погребения № 2 и 13 обращены лицевыми частями черепа друг к другу. Черепа и стопы приподняты относительно остальной части костяка. Причина этого в том, что траншея была несколько короче тел умерших.

Такие особенности захоронений позволяют восстановить следующий порядок их совершения. В уже засыпанной или частично засыпанной траншее с рыхлым заполнением вырывались неширокие неглубокие ямы, в которые укладывалось по 2–4 тела. То есть, погребения совершены не единовременно, а на протяжении непродолжительного периода времени.

У 11 погребённых согнуты обе руки. Кисти помещены на тулове в разных местах. В погребении № 14 правая рука вытянута. В четырёх других погребениях № 3, 5, 12, 13 положение рук необычно, но это следует отнести либо к небрежности похоронной команды, либо к последующему смещению костей.

В настоящее время предпринята попытка создать максимально детальную классификацию положения рук в русских православных погребениях [6]. На основе весьма трудоёмкого анализа делаются попытки выявления хронологических, конфессиональных и локально-территориальных закономерностей выбора положения рук [6, с. 71]. Безусловно, какую-то толику исторической информации анализ положения рук может дать. Однако и возлагать на это какие-то значительные надежды не стоит. Как мы видим, в публикуемых братских захоронениях представлены самые разнообразные варианты положения рук. Между тем, представляется маловероятным, что при совершении похорон как-то учитывались происхождение умершего или его пожелания, или взгляды на погребальный обряд самого могильщика. Очевидно, что положение рук было делом случайности. Конечно, частотный анализ встречаемости того или иного варианты может дать какую-то информацию, но ценность её невелика.

В отличие от братской могилы на раскопе по улице Карла Либкнехта, 66, количество погребального инвентаря минимально даже для братских могил. Найдено всего три разнотипных креста. Один из них (погребение № 5) настолько сильно окислен и фрагментирован, что только предположительно может быть определён как криноконечный. Крест из погребения № 1 (рисунок 4.3) принадлежит к наиболее распространённому типу прямоконечных крестов с рельефным изображением восьмиконечного Голгофского креста. По сторонам копьё и трость. На концах лопастей монограммы. На обороте слова молитвы.

Наиболее интересен последний — наперсный крест из погребения № 6 (рисунок 4.2). Он восьмиконе́чный с рельефным изображением восьмиконечного креста на Голгофе с распятым Иисусом. По бокам губка и копье. По бокам от перекладины — монограммы. Над крестом два ангела, венчающих Христа и Спас Нерукотворный. Под перекладиной надпись. Оборотная сторона гладкая с желобками по центру. Это, кажется, единственная находка наперсного креста в погребениях XVIII века в городе. Азове. Вероятно, точная аналогия этого креста найдена в погребении 55 кургана 1 курганного могильника Алитуб-IV [7, с. 22, 26, *рис. 3*]. Правда, авторами публикации он назван напрестольным и датирован «скорее всего ... концом XIX в.».

У бедренных костей погребения № 9 обнаружено три мундирных пуговицы разного размера (рисунок 4.5). В районе пояса погребения № 4 найдена бронзовая бипирамидальная пуговица с эмалями (рисунок 4.4), аналогичная находкам из могилы по улице Карла Либкнехта, 66.

Среди костей грудной клетки этого же погребённого найдена денга чеканки 1731 года. Возможно, что, как и в случае с братской могилой на улице Карла Либкнехта, 66, монета была спрятана в одежде. Однако то, что это единичная находка позволяет допускать, что

в данном случае мы всё же имеем дело с погребальным ритуалом.

Представленные в данной статье две братских могилы нельзя считать типичными для могильников XVIII века из города Азова, и при этом, несмотря на очевидные различия, они имеют и IV определенные общие черты. В первом случае была вырыта глубокая могила, во втором погребения совершались неглубоко в подходящем уже имеющемся углублении. В обоих случаях рядом с ними нет других захоронений этого же времени. Возможно, это впечатление ошибочно, поскольку в первом случае могила расположена в самом углу раскопа, во втором случае раскоп слишком мал по площади. Оба захоронения не одномоментные, они совершались в течение некоего временного отрезка. Похоронные команды старались соблюсти минимальные требования к каноническому погребальному обряду (ориентировка, вытянутое положение, положение рук), но нередко были небрежны и выполняли работу в спешке (северная ориентировка двух тел, заваливание ряда погребённых на бок, необычное положение рук). Само наличие монетных кладов также говорит о некоторой небрежности при совершении захоронений.

Все погребённые в обеих братских могилах — мужчины[1]. Большинство из них в возрасте 25–45 лет. Только два человека из захоронения на улице Тургенева, 16 имели возраст от 17 до 20 лет. В том числе, похороненный с наперсным крестом (погребение № 6).

Братская могила на участке по переулку Тургенева, 16 позволяет несколько по-иному взглянуть на ранее опубликованный комплекс захоронений, исследованных на раскопе по переулку Красноармейскому, 106 [2]. Значительная часть погребений (погребения № 7–10, 12, 17–20) вытянута в цепочку [2, с. 91, рис. 2]. Это труднообъяснимый факт, поскольку мы имеем дело не с регулярным кладбищем, а с наспех совершенными захоронениями на ничем не занятом участке. Но если мы предположим, что захоронения были совершены в ещё одной осадной траншее, то такое расположение становится вполне логичным. Траншея эта могла иметь совсем небольшую глубину, и её контуры могли просто быть не прослежены.

Для подобных захоронений, умерших от эпидемий людей, предложено использовать термин «заложные» погребения [1, с. 17–19; 2, с. 96, 98]. Применение такого определения неправомерно и базируется скорее на желании авторов использовать таинственный и волнующий термин. И на этом стоит остановиться подробнее.

Согласно определению, данному Д. К. Зелениным, который и ввёл этот термин в науку, «заложные» — это люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью [8, с. 39]. В эту категорию попадают самоубийцы, утонувшие, сгоревшие, погибшие от других видов несчастных случаев, убитые молнией или преступниками, разбойники, замёрзшие, умершие от пьянства, проклятые своими родителями, младенцы, умершие некрещёнными, пропавшие без вести, колдуны [8, с. 39–40]. Как мы видим, среди весьма разнообразных категорий, подпадающих под это понятие, нет людей умерших от эпидемий и вообще от заразных болезней. Конечно, с современной точки зрения, человек, умерший от заразной болезни, вряд ли может считаться умершим по естественной причине, но это не означает, что так должны были думать люди в предшествующие столетия.

Вероятно, Д. К. Зеленину следовало дать более развёрнутое определение введённому им термину. Возможно, Дмитрию Константиновичу казалось, что дальнейшие пояснения не оставят возможностей для подобных неверных истолкований. Итак, «заложные» — это нечистые и опасные покойники, недостойные поминовения, не удостоившиеся отпевания, доживающие за гробом положенный им при рождении век, которые находятся в распоряжении нечистой силы и живут рядом с местом своей смерти или могилой [8, с. 40–64]. Само название «заложные» связано с тем, что первоначально их не хоронили в земле, которая не могла их принять, а оставляли на поверхности и закладывали валежником. Лишь позднее их можно было похоронить с соблюдением особых обрядов.

Зададим вопрос, могли ли относиться к своим умершим от болезней или тем более, погиб-

[1] Антропологические определения выполнены кандидатом биологических наук Е. Ф. Батиевой.

шим однополчанам русские солдаты XVIII века, как к нечистым покойникам? Ответ очевиден — нет. Даже если бы существовали представления об отнесении к числу «заложных» покойников людей, умерших от эпидемий, необходимо было бы сначала обосновать возможность перенесения обычаев русской деревни в армию. Совершенно очевидно, что в войсках существовала особая субкультура со своими обычаями и суевериями. Невозможно представить себе, что каноническое право отказывало бы в отпевании воинам независимо от обстоятельств их смерти. Даже самоубийство в бою, при определенных обстоятельствах, может быть сочтено церковью извинительным поступком, а не смертным грехом (см. дискуссию о погребении генерала Ефремова). В исламе, с его жесткими предписаниями относительно похорон, существуют исключения именно для воинов (разрешение хоронить в одежде, ненужность омовений) [9, с. 49].

Гипотеза об отнесении братских захоронений к числу «заложных» базируется на чисто умозрительном предположении «он мог ... попасть в категорию заложных» покойников» [1, с. 17]. Несколькими строками позднее это предположение уже превращается в очевидный факт — «явно относятся» [1, с. 18] не подкрепленный, однако, ссылками на данные этнографии. Д. К. Зеленин в своих работах подчеркивал, что не следует без глубокого анализа использовать в качестве аналогий отдельные черты обрядов [8, с. 33–38]. Напротив, в работе А. Л. Бойко и С. В. Черницына мы видим хаотичную смесь из деревенских суеверий, административных распоряжений, исторических фактов и собственных умозаключений. Авторы, безусловно, обладают большой эрудицией, но это не делает данную работу убедительной.

В работе М. А. Деняева и И. В. Гудименко воспроизводится высказанная ранее гипотеза, опять-таки, без обращения к данным этнографии [2, с. 96, 98]. Ссылка на удалённое от Азовской крепости расположение захоронений по переулку Красноармейскому, 106 [2, с. 91] не доказывает «заложный» характер захоронений. Помимо самой крепости, армия занимала большое пространство вокруг крепости, что доказывается не только картографическими источниками, но и данными археологии. Выявлены десятки объектов, связанных с русской армией. Расстояние от крепости до захоронения по переулку Красноармейскому, 106 составляет 1,5 км. Расстояние от крепости до самого удалённого объекта, связанного с русской армией, исследованного на настоящий момент, составляет почти 2 км.

На настоящий момент в Азове найдено достаточное число братских захоронений, чтобы утверждать, что они производились по всей площади размещения русской армии, начиная от самых валов крепости. Случаи, когда братское захоронение совершалось на обычном кладбище с обычной рядной планировкой, не являются редкостью. Это касается, в том числе, умерших от чумы 1771 года (улица Октябрьская, 11–13).

Сравнение двух вышеописанных братских могил с могильником на улице Дзержинского, 49 [3], показывает разительные различия в составе погребального инвентаря, прежде всего, крестов и пуговиц. При этом разница во времени появления захоронений, возможно, не превышает одно-два десятилетия. Причина этого кажется очевидной — разница в этнокультурном и социальном составе погребённых. Это позволяет надеяться, что обстоятельная публикация материалов могильников XVIII века из Азова способна принести существенную историческую информацию.